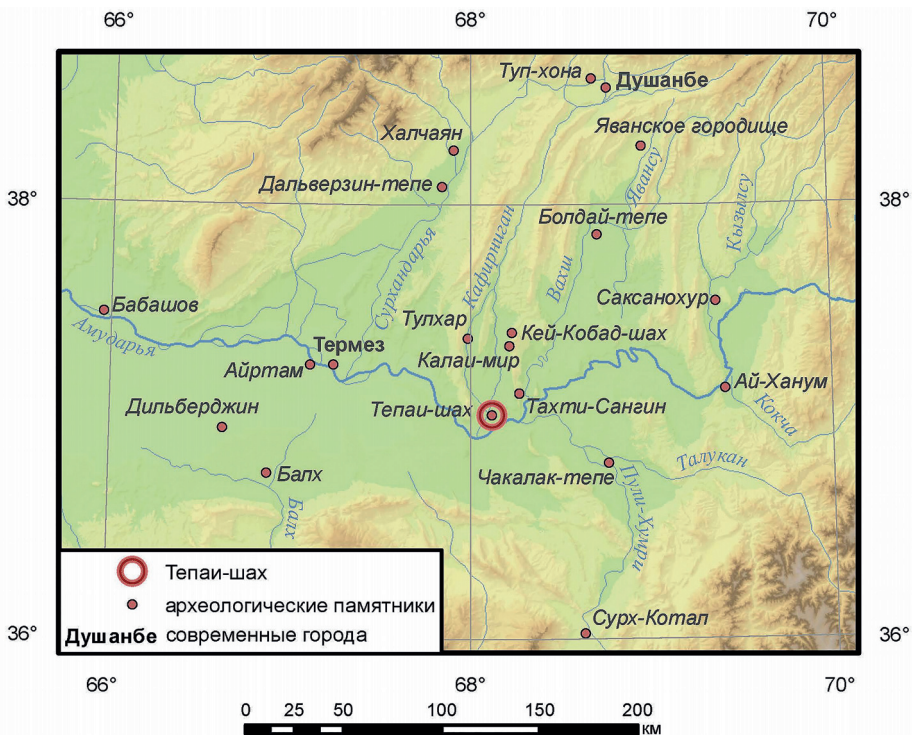

ТЕПА́И-ШАХ — древний городской центр оазиса Шах, расположенного на самом юге Кобадияна, на левобережье реки Кафирниган близ ее впадения в Амударью (ныне Кубодиёнский район Хатлонской области, Республика Таджикистан) (Ил. 1). Помимо городища Тепай-шах с укрепленной цитаделью, в комплекс входят остатки древней ирригационной системы (магистральный канал), некрополь из наземных погребальных сооружений-наусов, небольшие поселения и усадьбы, буддийский монастырь со ступой (Ил. 2). Расцвет оазиса приходится на кушанское время (I–IV вв. н. э.), но в нем имеются как более ранние, так и более поздние памятники.

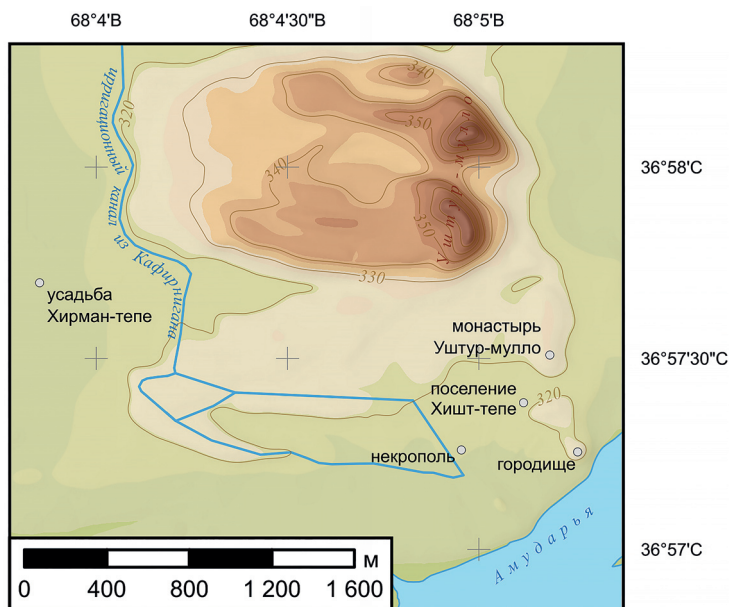
История изучения

Впервые памятники оазиса стали известны в 1879 г. в результате работы Самарской ученой экспедиции, исследовавшей бассейн Амударьи для определения

возможного направления железной дороги. В 1926–1927 гг. этот район посетила археологическая экспедиция московского Музея восточных культур под руководством Б. П. Денике [Денике 1927; 1928], в конце 1940-х — начале 1950-х гг. здесь работали отряды Таджикской (до 1952 г. — Согдийско-Таджикской) археологической экспедиции, возглавлявшиеся А. М. Беленицким и М. М. Дьяконовым [Беленицкий 1950: 146; Дьяконов 1950: 147], а в 1955–1959 гг. — А. М. Мандельштам, раскапывавшим курганные могильники в соседней Бишкентской долине [Мандельштам 1966; 1968]. Детальные исследования памятников оазиса были проведены отрядом Таджикской археологической экспедиции под руководством профессора Б. А. Литвинского в 1972 г. [Литвинский, Седов 1983] и отрядом Южно-Таджикистанской археологической экспедиции под руководством Т. И. Зеймаль в 1979 и 1981–1982 гг. (буддийское святилище Уштур-мулло) [Зеймаль Т. 1986; 1988; 1990].

Ил. 1. Карта-схема расположения основных кушанских памятников Южного Таджикистана, Южного Узбекистана и Северного Афганистана

Ил. 2. Карта-схема комплекса Тепай-шах

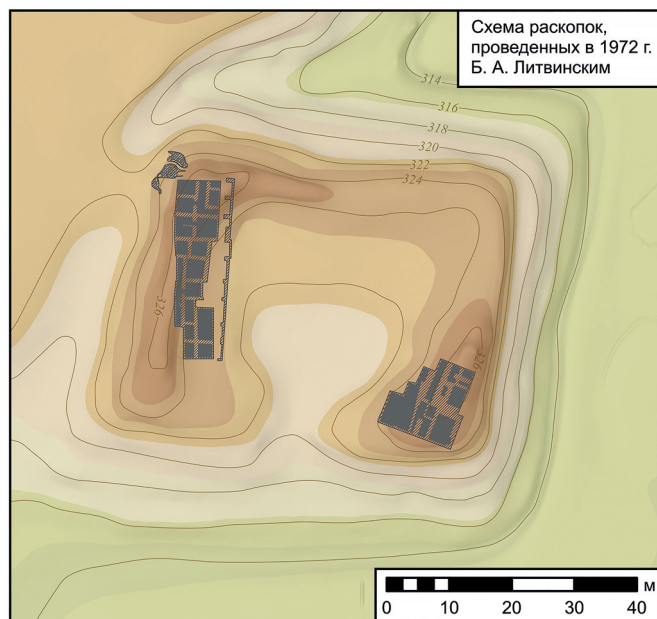
Описание памятников

Судя по случайным находкам каменных орудий, оазис был заселен уже в период неолита. К эпохе бронзы относятся два катакомбных погребения, обнаруженные на краю первой надпойменной террасы реки Кафирниган около средневекового городища Кызлар-кала. Одно из них содержало парное скорченное захоронение с обильным сопроводительным инвентарем: керамические сосуды, многочисленные мелкие и крупные серебряные, бронзовые, каменные и пастовые бусы, когда-то составлявшие ожерелья, бронзово-золотые нашивные бляшки [Литвинский, Седов 1983: 159–160]. К ахеменидскому времени, то есть к VI–IV вв. до н. э., относятся остатки практически полностью разрушенного поселения на мысу первой надпойменной террасы неподалеку от усадьбы Хирман-тепе. Здесь собрана большая коллекция характерной для этого времени цилиндро-конической керамики (в основном крупные тарные сосуды).

Центральное поселение, являвшееся, вероятно, административным центром оазиса, возникло в самом конце I в. до н. э. Тогда же здесь была создана единая ирригационная система с выводив-

шимся из Кафирнигана магистральным каналом, на трассе которого находились мелкие поселения и усадьбы, появились погребальные и культовые сооружения. Ядром центрального поселения стал холм, расположенный на мысу первой надпойменной террасы и возвышающийся над окружающей местностью на 2–3,5 м (Ил. 3). Вокруг него на площадке общими размерами 200×300 м прослеживаются остатки практически полностью разрушенных построек, фиксируются следы гончарного и других ремесленных производств. Здесь собрано большое количество фрагментов керамики, терракот, каменных архитектурных деталей. Сам холм скрывает остатки хорошо укрепленной цитадели подквадратной формы размерами 80×80 м — в рельефе прослеживаются оборонительные стены с круглыми угловыми башнями и вход с юго-западной стороны.

Центром планировочной схемы цитадели являлся обширный прямоугольный двор. Постройки располагались вокруг него по периметру, вдоль оборонительных стен. Помещения, открытые вдоль северо-западной стены, имели явно хозяйственное назначение. Обычно они прямоугольные

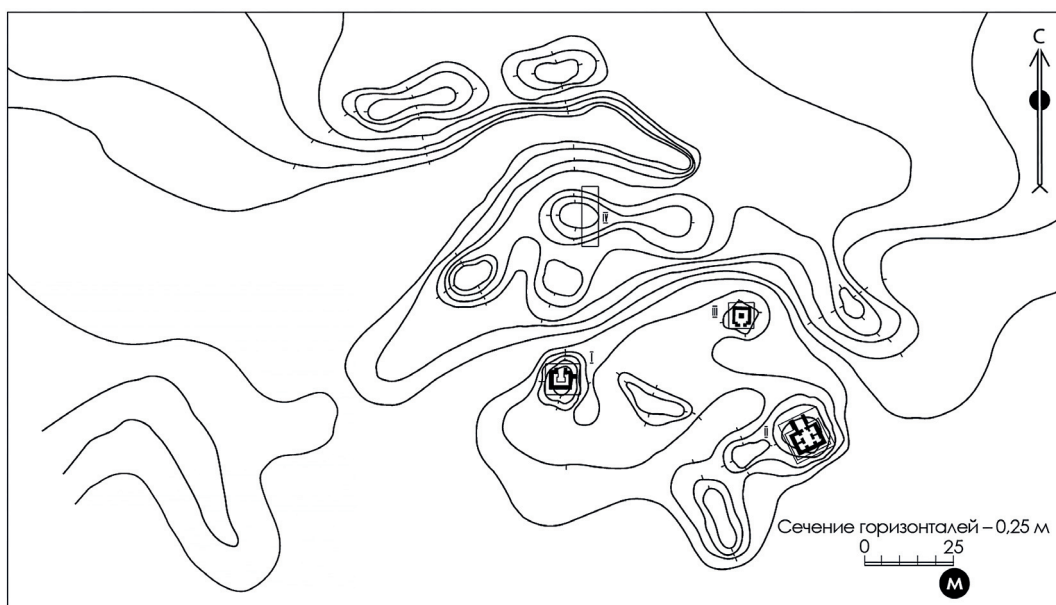
Ил. 3. Городище Тепай-шах. Топографический план-схема

в плане, глухие, иногда объединены в группы. Скорее всего, они являлись подпольями (цокольными этажами), куда попадали из несохранившихся верхних этажей построек. Площадь основной массы вскрытых помещений сравнительно небольшая — от 8 до 13 кв. м. Встречаются как более крупные — 16 и даже 21 кв. м, так и совсем крохотные — по 3–5 кв. м. Изнутри стены помещений, сооруженные из квадратного сырцового кирпича, покрывали саманной, изредка алебастровой штукатуркой. Вдоль стен иногда устраивали лежанки-суфы.

Помещения, открытые в юго-западном углу цитадели, имеют иной характер. Судя по обилию врытых в пол крупных тарных сосудов-хумов, здесь могли располагаться какие-то хранилища. Одно из помещений явно парадного назначения выделяется как по площади (около 46 кв. м), так и по интерьеру (широкая ниша в одной из стен, четыре каменных базы колонн, когда-то поддерживавших перекрытие). Находки фрагментов скульптуры буддийского облика в его северо-восточном изолированном отсеке дают основания видеть здесь небольшую домашнюю молельню.

На цитадели выявлены два строительных периода, датировка которых укладывается в пределах I — начала IV вв. н. э. Это подтверждается сравнительным анализом керамического комплекса, дающего типичные образцы бактрийской керамики кушанского времени, и находками монет [Литвинский, Седов 1983: 138–145; Зеймаль Е. 1983: 161–171].

В 350 м от цитадели располагался городской некрополь (Ил. 4). Раскопками полностью или частично вскрыто четыре наземных погребальных сооружения-науса, в которых совершались захоронения по зороастрийскому обряду. Две из этих построек являлись однокамерными, одна — многокамерной (плохая сохранность четвертой постройки не позволила выявить ее конструкцию) (Ил. 5–6). В погребальных камерах найдены захоронения очищенных от мягких тканей черепов и костей с обильным сопроводительным инвентарем: керамическими сосудами, бронзовыми зеркалами, терракотами, монетами, личными украшениями из бронзы, серебра, золота, стеклянной пасты, полудрагоценных камней и пр. (Ил. 7) [Литвинский, Седов 1983: 149–159]. Датировка времени функционирования некрополя

Ил. 4. Некрополь Тепай-шах. Топографический план-схема.

По: Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепай-шах: культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983. Рис. 7

приходится на конец I в. до н.э. — конец IV в. н. э. [Литвинский, Седов 1983: 38–50; 1984: 85].

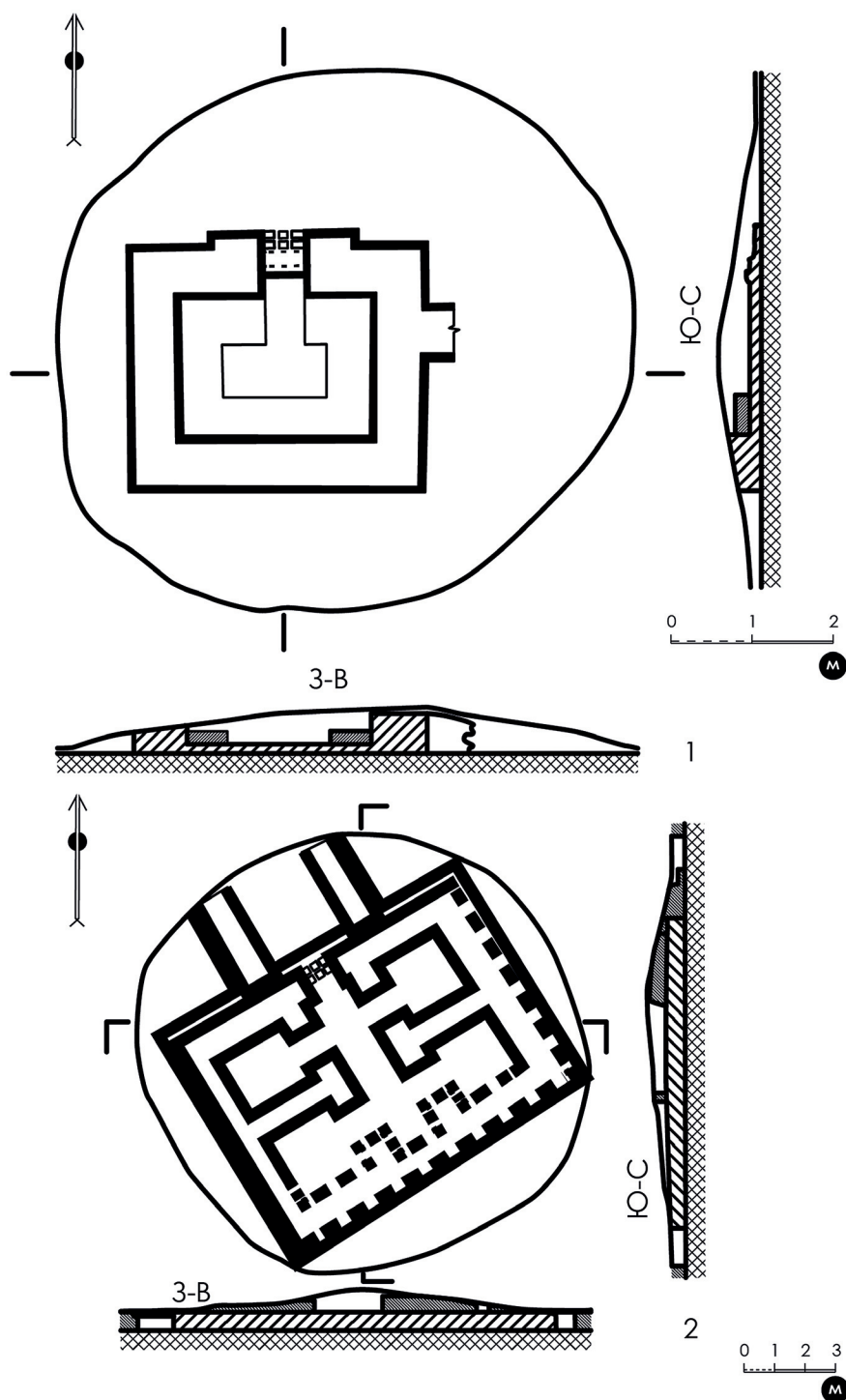
Примерно в 2 км к западу от центрального городища оазиса исследованы остатки небольшой усадьбы Хирман-тепе, от которой сохранились лишь остатки двора и пяти помещений, связанных между собой проходами, а неподалеку — остатки обжигательной печи (сохранилась только топочная часть). Корпус керамики, найденный при раскопках усадьбы, позволяет датировать время ее существования в пределах II–III вв. н. э.

К западу от городища Тепай-шах на уступе возвышенности, являющейся сильно размытым краем надпойменной террасы Амударьи, обнаружены руины поселения Хишт-тепе, нижние слои которого относятся к кушанскому времени. К северу от поселения на горизонтальной площадке того же уступа находятся остатки буддийской ступы (сохранившаяся высота около 4 м) и руины построек буддийского монастыря-вихары, расположенных в виде каре вокруг подквадратного в плане двора (20,5×21,5 м). Определены помещения хозяйственного,

жилого (кельи монахов) и церемониального (зал для собраний монашеской общины) назначения. Интерьеры некоторых помещений, крытой части внутреннего двора и входной зоны были украшены алебастровой скульптурой и настенной живописью. Судя по анализу материала, монастырь был основан, вероятно, в III в. н. э. и просуществовал до середины или конца IV в. н. э.

Ступа с прямоугольным ступенчатым основанием (16,4×17,5 м) была сложена из квадратного сырцового кирпича и первоначально имела один пандусный подъем с юга. Она была облицована гладкими и профилированными известняковыми плитами, некоторые из них были декорированы рельефными изображениями (дошли в мелких фрагментах). При реконструкции ступы, произведенной в конце V–VI вв. н. э., с трех других сторон также были добавлены пандусы. Просуществовала ступа как культовый объект вплоть до VII в. н. э. [Зеймаль Т. 1988: 336].

Среди находок, обнаруженных при раскопках ступы и монастыря Уштурмулло, следует выделить керамические сосуды, целые и во фрагментах, обломки

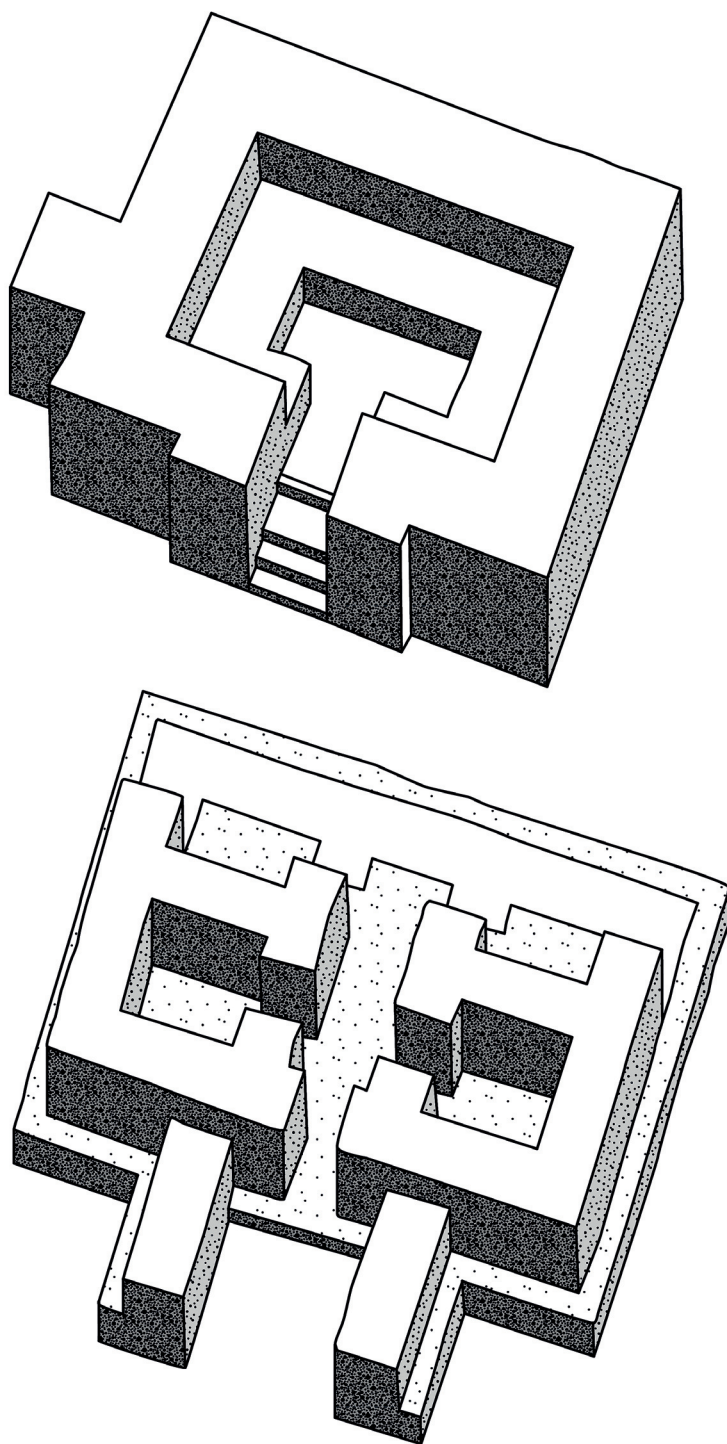
Ил. 5. Некрополь Тепай-шах.

1 — погребальное сооружение I, план и разрезы;

2 — погребальное сооружение II, план и разрезы.

По: Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепай-шах: культура и связи кушанской Бактрии.

М.: Наука, 1983. Рис. 8

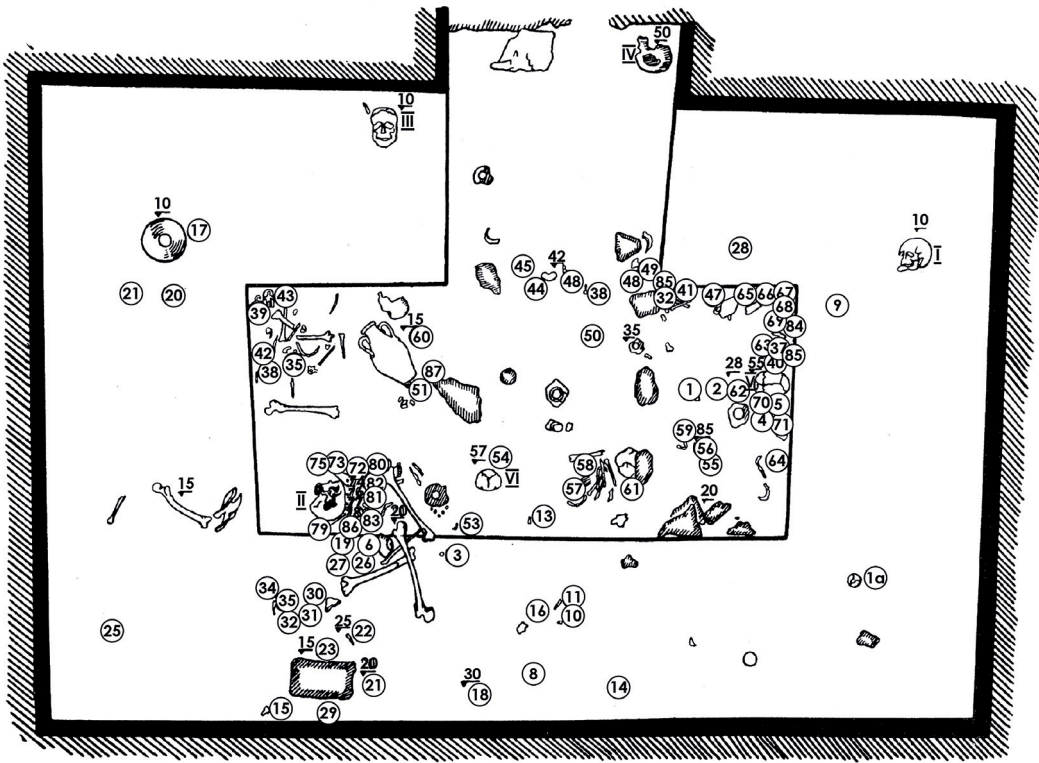

Ил. 6. Некрополь Тепаи-шах. Аксонометрия.

1 — погребальное сооружение I; 2 — погребальное сооружение II.

По: Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах: культура и связи кушанской Бактрии.

М.: Наука, 1983. Рис. 10

Ил. 7. Некрополь Тепай-шах.

Погребальное сооружение I, план находок в погребальной камере.

По: Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепай-шах: культура и связи кушанской Бактрии.

М.: Наука, 1983. Рис. 11

каменного реликвария, фрагменты глиняной и алебастровой скульптуры, настенной живописи с изображениями персонажей буддийского круга. Не исключено, что с этого памятника происходит каменный буддийский рельеф, упоминаемый А. С. Стрелковым [Стрелков 1928: 47, примеч. 6], и сильно фрагментированный туалетный диск из зеленовато-черного змеевика со сценой терзания, найденный в 1948 г. [Литвинский, Седов 1983: 76, табл. XI, рис. 3].

Датировка и значение Тепай-шах

В период своего расцвета в кушанскую эпоху городище Тепай-шах, как и весь оазис Шах, играли, вероятно, значительную роль, находясь на основном торговом пути, связывавшем Бактрию с центральными областями Кушанского царства (Гандхарой) и территориями к северу от нее (Согдом, Хорезмом). Буддийский мо-

настырь Уштур-мулло наряду с монастырями в Айртаме, Кара-тепе и Фаяз-тепе входил в комплекс буддийских святынь, существовавших в кушанское время вдоль среднего течения Амударьи, главной водной артерии Бактрии. Важными представляются материальные свидетельства сосуществования буддийской общины-сангхи и местного населения, исповедовавшего зороастризм, о чем свидетельствует погребальный обряд, практиковавшийся в сооружениях некрополя Тепай-шах. Судя по находкам, к концу кушанской эпохи буддизм в правобережной Бактрии постепенно завоевывает все более прочные позиции. Так, в него, очевидно, обращается глава местной администрации, как можно судить по наличию в цитадели Тепай-шах специального помещения или молельни с остатками скульптуры буддийского характера. Наличие буддийских по облику статуэток

в зороастрийских *наусах* свидетельствует о том, что буддийские идеи были не чужды и той части населения, которая в погребальном обряде продолжала придерживаться старых зороастрийских традиций.

Городище и некрополь Тепаи-шах, как и многие другие памятники оазиса, прекратили свое существование в конце III — начале IV вв. н. э., возможно, после завоевания Сасанидами областей Бактрии к северу от Амударьи, хотя функционирование некоторых поселений оазиса и какое-то обживание руин буддийской *вихары* со ступой продолжалось и позднее, вплоть до раннего средневековья.

А. В. Седов

Беленицкий 1950 — Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Государственного Эрмитажа / под общ. ред. А. Ю. Якубовского. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 15). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. 1: 1946–1947 гг. С. 140–146.

Денике 1927 — Денике Б. П. Экспедиция Музея Восточных Культур в Термез: предварительный отчет // Культура востока: сборник Музея Восточных культур. М.: МВК, 1927. С. 9–18.

Денике 1928 — Денике Б. П. Экспедиция Музея Восточных Культур в Среднюю Азию 1927 года // Культура востока: сборник Музея Восточных культур. М.: МВК, 1928. Т. 2. С. 3–16.

Дьяконов 1950 — Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Государственного Эрмитажа / под общ. ред. А. Ю. Якубовского. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 15). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. 1: 1946–1947 гг. С. 147–188.

Дьяконов 1953 — Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) (1950–1951 гг.) // Труды Таджикской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа / под общ. ред. А. Ю. Якубовского. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 37). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. Т. 2: 1948–1950 гг. С. 253–293.

Зеймаль Е. 1983 — Зеймаль Е. В. Монетные находки 1972 г. из Шаартузского района. Реестр // Тепаи-шах: культура и связи кушанской Бактрии / Б. А. Литвинский, А. В. Седов. М.: Наука, 1983. С. 161–171.

Зеймаль Т. 1986 — Зеймаль Т. И. Буддийский комплекс Шутур Мулло // Археологические работы в Таджикистане / отв. ред. Б. А. Литвинский. Душанбе: Дониш, 1986. Вып. 19: 1979 г. С. 186–202.

Зеймаль Т. 1988 — Зеймаль Т. И. Раскопки буддийского комплекса Уштур-мулло в 1981 г. // Археологические работы в Таджикистане / отв. ред. Б. А. Литвинский. Душанбе: Дониш, 1988. Вып. 21: 1981 г. С. 325–336.

Зеймаль Т. 1990 — Зеймаль Т. И. Буддийский монастырь Уштур-мулло (работы 1982 г.) // Археологические работы в Таджикистане / отв. ред. Б. А. Литвинский. Душанбе: Дониш, 1990. Вып. 22: 1982 г. С. 255–261.

Литвинский, Седов 1983 — Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах: культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983.

Литвинский, Седов 1984 — Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии: погребальный обряд. М.: Наука, 1984.

Мандельштам 1966 — Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.; Л.: Наука, 1966 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 136).

Мандельштам 1968 — Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. М.; Л.: Наука, 1968 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 145).

Стрелков 1928 — Стрелков А. С. Доисламские памятники Древнего Термеза // Культура востока: сборник Музея Восточных культур. М.: МВК, 1928. Т. 2. С. 41–47.